

Сын военного офицера, **Вадим Абдрашитов**, которому сегодня 50 лет, мастер, умеющий владеть собой и материалом, суховат, рационален, закрыт. Впрочем, кое-что узнать о нем все же удалось.

Вадим Абдрашитов:

Книга правда. - 1995. - 19 экз. - 46

Мы не снимаем мерзавцев

— ...Как зрителю мне кажется, что вы всегда исходите из содержательной стороны высказывания, из реализма жизни. При том, что умели выленить и форму. Но когда вышел «Парад планет», появилось ощущение, что в первый раз заглянули за пределы реальности. Как будто прикоснулись к тайне жизни и захотели хоть в какой-то мере адекватно передать это...

— Вы знаете, я скажу так. Заглянули или нет, прикоснулись или нет, но до этого была «Охота на лис». А «Парад планет» был во всех смыслах оригинальный сценарий Миндадзе, где действовали люди, которые, с одной стороны, убиты, а с другой — живы, и этот дуализм существования заставил искать некую степень условности.

— Правда, некий странный план есть уже в «Охоте». Все формально, а на самом деле и что-то метафизическое...

— По-моему, да. Я хочу сказать, что все зависит от исходного материала. Мы думаем, с каким персонажем будем иметь дело, если речь идет, скажем, о Гудионове в «Слуге», где бесовщина власти, или о странном существовании героев в «Параде планет».

— А как вы приходите к тому, что сейчас будете делать картину про одно или другое? Как это согласуется с временем, злобой дня? Откуда вынимаете, из какого воздуха?

— Каждый раз по-разному. Острое ухо и острый глаз Миндадзе — вот что, наверное, позволяет сформулировать замысел.

— Давай, Вадим, сделаем с тобой фильм о власти — так?

— Нет, к счастью. Мы никогда не формулировали проблему. Всегда интересовался характер. Если захватывались проблемы, то, я надеюсь, они как-то органично существовали в ткани картины. В фильме «Остановился поезд» нам был интересен этот следователь, которого играет Олег Борисов, человек с подпольем, ненавидящий все, что происходит в стране, не знающий, что сделать, надеющийся, что если закрутить гайки, то будет все в порядке, и он сталкивался с мрачным сопротивлением города, с совершенно другой точкой зрения, и существовал в этом.

— Но как формулируется замысел?

— Ну вот со «Слугой». Было ясно, что это не притча, но что-то в этом духе. О дьявольщине власти, причём дьявол не чёрный разрушающий, а как бы белый создающий, а раз он в центре повествования, то дом, в каком он живёт, вот такой, способ съёмки, наверно, такой, музыка — хоралы, на русском языке, нет, должна быть латынь, и так вытягиваешься в очередные круги, и формулируешь замысел.

— А последняя картина?

— Нам давно хотелось после сложных построений типа «Слуги» снять как бы очень простую картину. Как бы очень легкую для восприятия. Это есть формулировка, например, сюжетосложения? Безусловно. Должен очень быстро идти сюжет. Ср смешными сценами. Какой-то абрис поколения сорокалетних, частная история, без митингов, без пальбы. Поколение могло бы замечательно существовать, если бы оно себя реализовало, как задумало, но не очень это у них получается. Коли так формулируется, то должны быть соответствующая музыка, соответствующие актеры, оператор должен так снять натуру, чтоб она читалась, как декорация, и так далее. Получилась «Пьеса для пассажира».

— В какой степени то, что вы делаете, исповедально?

— Вопрос предполагает, что все представляется отстраненным, да? На самом деле пропущено более чем. Возможно, доказательством является то, что мы не даем ответов. И это не есть какое-то авторское кокетство, что мы, мол, знаем, но не желаем отвечать. Я не знаю, что посоветовать следователю Ермакову, чтобы все налалилось и пришло в порядок. Да и по той самоотдаче, с какой мы работаем, можно судить — если громко говорить. Мы не

можем в принципе, делая картину, готовиться к следующей. Мы целиком там.

— Опустошение бывает? Вы как человек подвержены отчаянию, сомнению, внутренним провалам или нет?

— Вы знаете, Оля, нет. Я просто очень хорошо знаю качество картины, которую делаю. Я понимаю ее.

— Как вам это удается?

— Не знаю.

— Может быть, оттого, что вы физик... Значит, страшного ничего не случается?

— Если хочется про страшное... Пока нет ощущения, что что-то зародилось, — это очень драматичный кусок. Чувство, что все не то. Все разваливается, картины нет, идет какой-то полезный, а точнее, бесполезный метраж...

— За счет чего вы это преодолеваете?

— Только за счет того, что кинематограф — производство. Преодолеваю я это или не преодолеваю, расстраиваюсь — не расстраиваюсь, пью — не пью — производство это не интересует.

— Работа над фильмами вас как личность корректирует как-то?

— Да, происходит сдвиг в сторону повышения толерантности, терпимости...

— В сторону повышения человеческой квалификации...

— Надеюсь, что так. Мы никогда не относились агрессивно ни к какому нашему герою, никаких негодяев и мерзавцев у нас нет, мы всегда пытались понять, отчего и откуда, и это и нас самих, я думаю, воспитывало каким-то образом.

— Знали ли вы раньше больше про жизнь, чем знаете теперь? Обратите внимание: раньше больше, а не теперь.

— Безусловно. Но, Оля, согласитесь, что это — к счастью. Это в замысле Бога. Потому что ничего страшнее не было бы, чем все лучше понимать жизнь и к финалу приходить к полному ее пониманию.

— Но при этом разрешающая способность свободы больше?

— Она-то и дает ощущение океана возможностей и абсолютно бесконечный процесс в смысле развития.

— А что вас ввергает в печаль?

— Если бы мы не пережили вот этих ужасных событий в стране, можно было бы как-то более отвлеченно поговорить. Если же отстраниться... ужас меня охватывает, когда я понимаю в очередной раз, что мы живем в стране повального, тотального дилетантизма. Наверное, таких стран нету. Великая страна, все так, но ни сапожник ничего не умеет делать, пирожник не умеет печь, а те, кто появляется, их сразу стирают с лица земли, чтобы не выделялись.

— Второй вопрос, в параллель, не задаю: что радует...

— И отвечаю. Радует то, что связано с профессией. И когда видишь что-то хорошее, талантливое. Хорошо сделанная вещь, оформившаяся, как результат борьбы с энтропией, — когда я вижу, что мастер все равно побеждает — это помогает жить. Хорошее поведение человека тоже помогает жить.

— Странное у нас все-таки историческое образование, все время идет через болота, хляби, чуть, казалось, забрызжало и опять провалилось в топи. Общество хлебнуло озона и заработало как бы кессонную болезнь...

— Не общество, а то, что называется наиболее передовой частью — интеллигенцией. А общество консервативно и напряженно вглядывалось в то, что делается, — я имею в виду провинцию, деревню. Вот с такими лицами, как в финале фильма «Остановился поезд», с напряжением, с недоверием ко всему.

— С одной стороны, как бы жуткая косность, а с другой, явно тут сохранились основы жизни. Интеллигенция — мозг нации, ей на роду написано обмозговывать то, что происходит, быть впереди, первой. Она первая была там и первая попала, я извинюсь, в задницу тут. А те, которые были сзади и мешали прогрессу, теперь как бы со-

ранили основу жизни. Не странно ли?

— Я вам объясню с точки зрения кибернетики. Для того, чтобы могла существовать система — под ней поймайте все: клетку, общество, футбольную команду, — в ней должно работать два вектора: то, что физики называют оперативной памятью, и что консервативной. На уровне футбольной команды оперативной памятью является та часть, которая зарабатывает очки в нашу пользу, а консервативная память — вратарь, ему надо законсервировать счет и не пропустить больше. То же самое в обществе. Разумеется, интеллигенция должна выполнять роль «оперативной памяти».

— Я вам объясню по-другому, если хотите.

— Хочу.

— «Оперативная память» брательна не с «консервативной памятью», она брательна с такой же «оперативной памятью», потому что верхушка власти вышла на те же позиции, что и интеллигенция. Но едва власть добилась того, чего хотела, она тут же перешла к охранной задаче, к консервации, то есть к тому, против чего она только что сражалась. Получается, что интеллигенция таскала для нее каштаны из огня. Но поскольку так происходит всегда, значит, есть такой закон, и интеллигенция все равно не может уклониться от этой своей исторической, родовой обязанности.

— Я абсолютно с вами согласен. Но та фаза, когда интеллигенция обнималась с властью... С кем? С секретарем обкома партии?

— Да. Потому что в то время он был единственный, кто был выразителем демократических интересов, «оперативной памяти», по вашей терминологии, а кто он там в прошлом, мясник или секретарь, истории безразлично. Но он достиг высшей власти и перенял доминанту.

— Я принимаю такой сюжет. Об этом в каком-то смысле, я извинюсь, картина «Слуга» — о том, что власть как таковая, в наших условиях, какое бы обличье, какой бы маскхалат на себя ни примеряла, все равно корни ее там — в обкомах партии. Но поскольку мы разговорились, я признаюсь, что задаюсь самым страшным вопросом: а существует ли абсолютная уверенность в том, что эта страна, эта нация, этот народ на этом этапе развития, экономического, духовного, вообще развития как такового...

— Можете не продолжать. По-моему, нет, не существует.

— Это страшный вопрос. Если прийти к выводу, что на этом этапе ничего и невозможно...

— ...то на самом деле нет ничего страшного, Вадим. Потому что все равно это означает только одно: продолжать жить и работать. Процесс познания и заключается, видимо, в том, что одна страшная истина открывается за другой, после того, как всякие прекрасные открылись, а ты... Ничего, это природно.

— И опять-таки, по замыслу Божию. Существуют вещи, которых мы все равно не можем познать, находясь в рамках этой конкретной жизни.

— Вы как физик принимаете возможность другой реальности, возможность Бога?

— Да что вы, Оля! Именно физики лучшими своими умами и, если так можно сказать, лучшими своими сердцами, идя в виду выдающихся физиков, доказывают из поколения в поколение существование разумного начала, единого начала, условно назовем его Богом. Так произошло с Ньютоном, так произошло с Эйнштейном, так это дошло до Ландау и так далее. Люди, начиная с гениальной попытки, причем попытки удавшейся, с материалистических позиций объяснить мир, приходят к выводу, что само собой так не может быть в природе, а что это имеет единое начало. Существуют другие формы жизни. Иначе все было бы слишком тривиально.

Ольга КУЧКИНА.
Фото Николая ЕЖЕВСКОГО.